

- Khobsbaum E.* Epokha krainostei. Korotkii dvadtsatyi vek [The Age of Extremes. The Short twentieth century] (1914–1991). Moskva, 2004. (In Russ.)
- Kholodnaia voina. 1945–1963 gg. Istoricheskai retrospektiva: sbornik statei [The Cold War. 1945–1963 Historical retrospective: collection of articles]. Moskva, 2003. (In Russ.)
- Kissindzher G.* Diplomatiia [Diplomacy] / per. s angl. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Koniaev N.M.* Podlinnaia istoriia Doma Romanovykh [The true History of the Romanov House]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Labutina T.L.* Britanskii diplomaty i Ekaterina II. Dialog i protivostoyanie [British diplomats and Catherine II. Dialogue and confrontation]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)
- Labutina T.L.* Britanskii posly-razvedchiki pri dvore Anny Ioanovny [British ambassadors-scouts at the court of Anna Ioanovna] // Novaya i Novejshaya Istoriiya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 3. S. 42–55. DOI: 10.31857/S013038640020235-6 (In Russ.)
- Mettan G.* Zapad – Rossiia: tysiacheletniaia voina [West – Russia: The Millennial War]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Mitrofanov S.* Kto vy Ol'ga Novikova [Who are you Olga Novikova] // Nezavisimaia gazeta. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/1999-10-07/novikova.html (access date: 20.02.2023). (In Russ.)
- Nikol'son G.* Diplomatskoe iskusstvo. Chetyre lekt-sii po istorii diplomatii [Diplomatic art. Four lectures on the history of diplomacy] / per. s angl.; vstup. stat'ia i obshchaia red. A.E. Bogomolova. Moskva, 1962 // URL: <https://spbib.ru/en/catalog...diplomatskoe-iskusstvo> (access date: 20.02.2023). (In Russ.)
- Repnikov A.V.* Konservativnye predstavleniia o perestroistve Rossii (konets XIX – nachalo XX vekov) [Conservative ideas about the reconstruction of Russia (late 19th – early 20th centuries)]. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Sovetsko-britanskii otnosheniia v 1943–1953 gg.: dokumenty i materialy [Soviet-British relations in 1943–1953: documents and materials] / pod red. A.O. Chubar'iana, O.A. Vestada. Moskva, 2021. (In Russ.)
- Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniia [Modern International Relations] / pod red. A.V. Torkunova. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Teslenko V.* Den'gi dlia mirovoi revoliutsii [Money for the world revolution] // Ekho planet [The echo of the planet]. 2012. № 44. S. 2–5. (In Russ.)
- Tret'iakova S.N.* O.A. Novikova – “neofitsial'nyi posol” Rossii v Anglii [O.A. Novikova – “unofficial ambassador” of Russia to England] // Vestnik RUDN. Seriya: Istorii Rossii [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. 2010. № 4. S. 103–118. (In Russ.)
- Vinogradov V.N.* Lord Pal'merston v evropeiskoi diplomatii [Lord Palmerston in European diplomacy] // Novaya i Novejshaya Istoriiya [Modern and Contemporary History]. 2006. № 5. S. 182–209. (In Russ.)
- Zonova T.V.* Sovremennaiia model' diplomatii: istoki stanovleniia i perspektivy razvitiia: ucheb. posobie [The modern model of diplomacy: the origins of formation and prospects of development: studies. manual]. Moskva, 2003. (In Russ.)

DOI: 10.31857/S013038640028078-3

© 2023 г. Т.М. Фадеева

REALPOLITIK: ДИАЛОГ ПО ОБЕ СТОРОНЫ АТЛАНТИКИ

Рец. на книгу: M. Specter. THE ATLANTIC REALISTS: EMPIRE AND INTERNATIONAL THOUGHT BETWEEN GERMANY AND THE UNITED STATES. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 2022. XI, 302 p.

Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: fadeewatatjana@yandex.ru

Scopus Author ID: 57417541300; ORCID: 0000-0002-6371-9157

T.M. Fadeeva

REALPOLITIK: DIALOGUE ON BOTH SIDES OF THE ATLANTIC

Rec. ad op.: M. Specter. THE ATLANTIC REALISTS: EMPIRE AND INTERNATIONAL THOUGHT BETWEEN GERMANY AND THE UNITED STATES. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 2022. XI, 302 p.

Tatiana Fadeeva, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: fadeewatatjana@yandex.ru

Scopus Author ID: 57417541300; ORCID: 0000-0002-6371-9157

Мэтью Спектер — сотрудник Калифорнийского университета в Беркли, член редколлегии журнала «История и теория». Рецензируемая книга посвящена концепции Realpolitik и ее интерпретации в духе внешнеполитического реализма, преобладавшей после Второй мировой войны во внешней политике США. Ее автор, специалист по интеллектуальной истории Мэтью Спектер, утверждает, что основные черты современного реализма появились в результате столетнего диалога между американскими и немецкими интеллектуалами, начавшегося в конце XIX в., раскрывает «атлантическую реалистическую» традицию размышлений о прерогативах империи и природе силовой политики, обусловленной «национальными интересами».

Автор начинает с парадокса: когда Трамп в ходе президентской кампании 2016 г. выдвинул слоган «Америка, вперед!», пишет он, «то Ангела Меркель могла бы претендовать на лидерство «свободного мира»». «С ее недавним и рассчитанным решением принять значительное число беженцев она не только признала обязанности Германии перед международным законодательством, но и подтвердила, что германское гражданство уже не базируется на крови: «германство» достижимо через натурализацию. Тем временем Республиканская партия в США под руководством Трампа бросает вызов конституционным гарантиям по праву рождения, которое считалось само собой разумеющимся для обеих партий» (с. IX). Но асимметрия между германским и американским политическим моментом — кажущаяся. В обеих странах мультикультурализм и либеральная демократия вынуждены защищаться от приверженцев «идентичности», которые требуют невозможного: добиться «однородной нации», очищенной от чуждых элементов. Меньшинства отвергаются как чужеродные и паразитические. Но в стремлении к национальной чистоте праворадикальные группы фактически выстраивают старые и новые транснациональные связи, многие из которых обращены на десятилетия назад. В то время как либералы трансатлантического мира обеспокоены иллиберальным популизмом Д. Трампа и кризисом в трансатлантических отношениях, праворадикальные группы по обеим сторонам Атлантики активно учатся друг у друга. В то время как праворадикальные толпы мародерствуют в Шарлоттсвилле, штат Виргиния, германская политика сталкивается с праворадикальным экстремизмом в собственных рядах. Указывая на это, теоретики популизма усмотрели поиски «чистоты» в этнической однородности и в идентичности. Подобно сторонникам слоганов «Америка, вперед!», «бостонского чаепития» и пограничной стены, настроенных на защиту некоей «американской сущности» от демографических изменений, новейшие продолжатели европейских правых радикалов оплакивают мультикультурное растворение как национальной идентичности, так и западной цивилизации в целом. Для этих правых скандально само утвержде-

ние, что американская идентичность уже является гибридной.

Нынешний кризис в трансатлантических отношениях, считает Спектер, означает не просто столкновение между неолиберальной демократией и популистским национализмом. Он указывает на определенное родство между особым видом национальной идентичности как монолога этнически однородного большинства (ассоциируемого в США с белыми англосаксами) и «реалистическим» взглядом, что национальный интерес может быть определен столь же единообразно. «Американцы нередко сочетают парадоксальную веру в то, что их истины универсальны и что их происхождение в то же время исключительно национально, или, другими словами, американцы — исключительная нация, чья миссия универсальна» (с. X). Как возник этот парадокс? На протяжении всей рецензируемой книги автор проводит мысль: представления американцев об их роли на мировой арене на протяжении последнего столетия показывают, что они являлись продуктом «трансатлантического интеллектуального обмена». Есть веские основания подчеркивать «особые отношения» между имперскими демократиями США и Великобритании, и немало внимания было уделено «англо-американской традиции» во внешней политике. Однако в данной книге центральное внимание сосредоточено на германо-американской традиции международных отношений, созданной мыслителями, которых автор называет «атлантическими реалистами».

Автор обращается к интерпретации реализма как преобладающего подхода во внешней политике в период после Второй мировой войны и господствующей в общественном дискурсе и международных отношениях во время холодной войны. Основные постулаты последнего складывались в диалоге между американскими и германскими интеллектуалами начиная со второй половины — конца XIX в. Он пересматривает «атлантическую реалистическую» традицию мысли о прерогативах империи и природе власти на протяжении обеих мировых войн, холокоста и холодной войны. По мере наступления фашизма многие теоретики Realpolitik эмигрировали в США; часть из них вернулась обратно. Сосредоточиваясь на ключевых фигурах развития реалистической мысли (Карл Шмитт, Фридрих Ратцель, Карл Хаусхофер, Ганс Моргентау, Вильгельм Гreve, Рейнольд Нибур), он показывает эволюцию взгляда на мир в духе Realpolitik, развенчивая мифы национального интереса и «искусства» управления государством. По выражению Спектера, «эти атлантические реалисты ошибочно приняли западную традицию за универсальную» (с. 7). Последняя затронула не только академические круги, но и повлияла на международную политику, по мере того как теоретики снабдили политических деятелей идеологическими средствами оправдания их имперских амбиций. В этом отношении «имперский вклад» реализма сложился не в 1930-е годы, а в

1880 и 1890-е годы, в период выдвижения терминов «геополитика» и *Lebensraum* (жизненное пространство). Трудам вышеупомянутых ученых уделялось недостаточное внимание в англоязычной литературе. Некоторым из них удалось осуществить незаметный переход из Третьего рейха в ФРГ (*Bundesrepublik*). Так, В. Грете сделал карьеру дипломата в Министерстве иностранных дел ФРГ, принял участие в выдвижении «доктрины Халыштейна»; карьеру завершил как посол в Японии.

Изучая весь этот интеллектуальный спектр, начиная от предшественников нацизма, сочувствующих и пособников, до исследователей, критикующих фашизм и империализм, Спектер создает масштабную, впечатляющую картину того, как исследователи по обе стороны Атлантики уведомили друг друга и как тем или иным образом способствовали созданию западного империалистического взгляда на мир в XX в.

Однако автора можно упрекнуть в нечеткости самого понятия реализма, используемого им в книге. Спектер, по его собственным словам, задался вопросом: каким образом основные понятия политической теории Карла Шмитта «посеяли» американский и германский внешнеполитические дискурс и практику? Отвечая на этот вопрос, автор делится с читателем своими поисками и открытиями на этом пути. Обширная литература об эмиграции германских интеллектуалов, преимущественно юристов, и их вхождение в американскую политическую науку ориентировала Спектера к трудам Моргентау, где он надеялся обнаружить следы шмиттовского наследия. К удивлению автора, два крупнейших «реалиста» (как они себя называли) не оставили следов переписки и не цитировали друг друга. Далее обнаружились параллели в области «властвования над морями» по обе стороны Атлантики в трудах географа Фридриха Ратцеля и американского адмирала Альфреда Мэхена, включавшие описания статуса Америки как «мировой державы» в то самое время, как Германия пересматривала свою международную роль в рамках понятия «большого пространства». Другими словами, Ратцель, теоретик «жизненного пространства», и Мэхен, пророк США как «морской державы», зеркально отражали друг друга: «оба сочетали пространственные и расовые параметры в понятии геополитики, хотя сам термин появился не ранее 1899 г.» (с. 199). Как утверждается в книге, фундаментальные понятия классического реализма — например приоритет национального интереса и государства как организма, охваченного «жизненным порывом», — являлись артефактом, продуктом трансатлантической, сугубо провинциальной истории европейской и американской мысли в ходе завершающих десятилетий XIX столетия» (с. 203). Сходство между геополитическим дискурсом 1890-х годов и идеями классического реализма, ассоциируемого с мыслителями середины XX в., было очевидным.

Обращение к работам К. Хаусхофера позволило

рассмотреть идеи Шмитта в новом свете и связать геополитику обоих с идеями британца Макиндера и немца Ратцеля. Когда в Нюрнберге Шмитту был задан вопрос, подразумевает ли его теория «большого пространства» империализм Третьего рейха и истребление евреев, он заявил, что его размышления на эту тему относятся к высочайшему международному уровню исследований и не имеют ничего общего с политикой. Однако, как утверждает автор, термины «большое пространство» и «жизненное пространство» зачастую использовались как синонимы в писаниях известных идеологов нацизма.

Традиции реализма во внешней политике просматриваются на протяжении всей истории — от античной (Фукидид, V в. до н.э.)¹, раннего Нового времени (Макиавелли, кардинал Ришелье, Гоббс)² и до истории XX в. (Дж. Кеннан, Р. Нибур, Г. Моргентау). Последний, признаваемый отцом-основателем классического реализма времен холодной войны, опирался на тезис, согласно которому сущностью международной политики является нескончаемая борьба за выживание и власть. Поэтому война всегда возможна и подготовка к ней необходима. Однако Спектер предлагает иную интерпретацию: на его взгляд, реализм как традиция и международные отношения как современная академическая дисциплина сложились на основе отказа от бисмарковской *Realpolitik*, предусматривавшей «равновесие силы». В качестве альтернативы последней была выдвинута империалистическая мировая политика (*Weltpolitik*). В отличие от консерватизма Бисмарка такие мыслители, как Теодор Ратцель, Генрих фон Трейчке и адмирал Тирпиц, опирались на социал-дарвинистскую и виталистскую концепцию государства с ее акцентом на воле к власти и стремлении к экспансии.

Обращая особое внимание на германский милитаризм и империализм, Спектер показывает, как подобные идеи зрели также и в Америке в 1880-е годы. Он прослеживает сходную эволюцию американских геополитиков, таких как Альфред Мэхен, Арчибальд Кулидж, Генри Кэбот Лодж и президент Теодор Рузвельт, которые пришли к мысли о своей стране как мировой державе. Тем самым Спектер рассматривает сходные идеи американской и немецкой геополитики в их совместном поиске альтернативы дипломатическому консерватизму Бисмарка в Европе и изоляционизму отцов-основателей в Америке, поскольку те и другие нуждались в интеллектуальных ресурсах для оправдания своего восстания против гегемонии *Pax Britannica* и стремления к империи. Эти два видения геополитики, или «политической географии» в американском варианте, продолжали господствовать на самых высоких уровнях в обеих странах и в XX в. Благодаря блестящему сравнительному исследова-

¹ В тексте ошибочно II в. до н.э.

² В тексте эти персонажи ошибочно отнесены к Средним векам.

нию взаимосвязанных карьер Карла Хаусхофера и Исайи Боумена Спектер сумел реконструировать интеллектуальную и личную близость между интеллектуалами – сторонниками прогрессивизма Вильсона во внешней политике и теоретиками Вильгельмовской мировой политики (Weltpolitik) в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, и в межвоенный период.

Профессор Мюнхенского университета Хаусхофер был самым известным европейским профессором геополитики XX в., а Боумен – его американским коллегой. И все же, если видение Хаусхофером Евразии, в которой доминируют немцы, позже напрямую повлияло на нацистскую политику «жизненного пространства» (Lebensraum), то Боумен, советник Вудро Вильсона, стал архитектором международного порядка после Первой мировой войны и одним из первых сторонников американской глобальной гегемонии. Оба, как показывает Спектер, тем не менее были поклонниками работ друг друга и участвовали в трансатлантических академических дебатах по геополитике как до Первой мировой войны, так и в межвоенный период.

Вторая мировая война знаменовала поворот, который развел по разные стороны германскую и американскую геополитику. На основе работ К. Шмитта военного времени автор показывает на примере практики нацистов мрачные последствия расистской и империалистической интерпретации природы мировой политики. Апологеты Шмитта, признавая, что многие его работы оправдывали внешнюю политику нацистов, подчеркивали, что он делал это по геополитическим, а не расистским, «биополитическим» соображениям, при этом ссылаясь на осуждение взглядов Шмитта высокопоставленными деятелями СС как недостаточно расистских. В противовес этому прочтению Спектер утверждает, что, хотя Шмитт в своих работах о «большом пространстве» (Großraum) часто избегает явно расового нацистского выражения Lebensraum, на практике сама концепция была неразрывно связана с геноцидным завоеванием России и Восточной Европы, которое она оправдывала. К тому же, продолжает Спектер, довоенная мысль атлантических геополитиков, продолжением которой стали труды Шмитта военного времени, уже имела много общего с доктриной «жизненного пространства». Не преуменьшая зла нацистского империализма, он, таким образом, склонен рассматривать его как продолжение евроамериканского империализма и его идеологических основ, а не как разрыв с ним. После Второй мировой войны этот атлантический реализм был реконструирован как в США, так и в Германии в рамках современной дисциплины «международные отношения», очищенной от нацистско-империалистического багажа. Тем не менее переход автора от раннего XX в. к послевоенному реализму менее последователен. В частности, хотя в книге есть главы, посвященные Вильгельму Гreve, архитектору западногерманской внешней

политики в годы Аденауэра, и работам Ганса Моргентау, и личным и идейным связям с довоенными «атлантическими реалистами», в книге недостаточно внимания уделено тому, что именно они унаследовали из этой традиции. И это несмотря на заявление автора о его стремлении показать, как «важнейшие концепции политической теории Карла Шмитта посеяли послевоенный американский и германский политический дискурс и практику» (с. 203). Притязания Гreve на роль «аполитичного технократа» в нацистском «форин офисе» не могут скрыть влияния на него идей К. Шмитта и ультрареакционной «Консервативной революции» веймарского периода, обусловивших его позицию в годы холодной войны.

Книга Мэтью Спектера, ее сложным анализом и смелым, зачастую радикальным теоретическим пересмотром реализма, показала, насколько данный проект концептуально обусловлен империализмом, расизмом и фашизмом. Отсюда критические высказывания рецензентов в адрес книги и сомнения в том, что подобные разоблачения едва ли могут обеспечить надежную внешнюю политику в современном мире. В заключении книги Спектер признает, что критика реализма могла показаться несвоевременной в условиях, характеризующихся возрождением националистического самоутверждения и кризисом международного институционализма. Возможно, это предполагает некоторый пересмотр позиций реализма с точки зрения внешнеполитических рецептов, заслуживающих большего доверия, полагает Спектер. Так, реализм не обязательно должен быть морально бесстрастным или служить оправданием милитаризма. Он напоминает слова Моргентау: «Политические реалисты не аморальны, они просто делают различный выбор между моральными ценностями... ибо если они не позаботятся о национальном интересе, то никто этого не сделает» (с. 155). Моргентау признавал мрачные последствия подхода «власть любой ценой», когда писал: «Быть Макиавелли опасно. Быть Макиавелли без добродетели – это катастрофа». Как справедливо утверждает Спектер, если этот элемент мысли Моргентау часто упускался из виду, то виноват сам немецкий политолог, поскольку он недостаточно его популяризировал. Не случайны и симпатии левых к Моргентау, когда тот выступал как противник войны во Вьетнаме и убежденный критик сторонников «ограниченной ядерной войны» с Советским Союзом. В тени атомной бомбы, писал он в 1961 г., «реалистический и утопический подходы к политике в целом и к международным отношениям в частности» должны были бы слиться воедино и отказаться от иллюзий силовой политики. Стремясь уравновесить то и другое, мы не найдем лучшего руководства, как сбалансировать реализм в отношении природы международной политики с моральным признанием катастрофических последствий силовой политики ради нее самой. Эта мудрость необходима сейчас больше, чем когда-либо.

В заключение автор возвращается к истокам реализма, стремится отмежевать его от «вклада эмигрантов середины века, спасавшихся от нацизма», и даже от бисмарковской *Realpolitik*, которую называет «романтическим выражением истин Старого Света». Вместо этого он выводит реализм от концепции *Weltpolitik*, которая, как это ни парадоксально, была изобретена именно в противовес *Realpolitik*. Там, где *Realpolitik* говорила о балансе, уравниловке и консолидации тесно соседствующих на континенте держав, *Weltpolitik* была основана на британской модели несмежного или пространственно детерриториализованного империализма, сочетания колоний и преференциального доступа к торговле. Реализм родился из духа американского и немецкого империализма конца эпохи (*fin de siècle*) (с. 205). В завершение своего исследования, переходя к сегодняшнему дню, автор ставит проблему «реализм после атлантического реализма». Наше время может показаться неподходящим для критики элементов реалисти-

ческого мировоззрения с космополитической точки зрения, замечает Спектер. Для многих правых популистов в Европе международные институты не только излишни, но и олицетворяют политического противника: таким общим главным врагом являются ЕС и глобальное правительство. Любая форма правления, не связанная с сильным национальным правительством, отвергается. Национальные интересы кажутся реальными и первостепенными, как всегда. Мировой федерализм или углубление глобального управления, похоже, не обсуждаются. Однако классические реалисты не враждебны любому видению глобальной политической интеграции. Империя остается центральным измерением в истории атлантического реализма, о которой шла речь в книге. Тем не менее нынешние издержки чрезмерной экспансии американской империи на Ближнем Востоке сегодня настраивают многих ведущих мыслителей в области внешней политики США на видение «имперской сдержанности», основанное на принципах классического реализма.